

ПРИЛОЖЕНИЕ

Vestnik drevney istorii
84/4 (2024), 1099–1119
© The Author(s) 2024

Вестник древней истории
84/4 (2024), 1099–1119
© Автор(ы) 2024

DOI: 10.31857/S0321039124040178

LAUS PISONIS «ПОХВАЛА ПИЗОНУ»

*(Вступительная статья, перевод с латинского и комментарий
М.С. Голиковой, Е.А. Вишневской, И.А. Шелудешева и Р.Р. Хабибуллиной)*

«Laus Pisonis» — это анонимный панегирик в 261 стихе, написанный дактильным гекзаметром. В ряду блистательных произведений серебряного века римской литературы этот «чрезвычайно редкий текст замечательного литературного качества» часто был обделен научным вниманием и переводами¹. Причин тому несколько: запутанная история происхождения текста и неустановленное авторство способствовали тому, что это произведение не нашло прочного места в авторских изданиях древнеримских классиков. В то же время текст, содержание которого иногда оценивают как «грубый образчик лести», никогда не считался столь же значимым, как другие высокие образцы римской литературы, но характеризовался как «достаточно хороший» или «неплохой»². Однако его несомненная древность и заключенная в нем богатая информация делают «Laus Pisonis» ценным свидетельством древнеримской культуры и истории, а его перевод и введение в русскоязычное научно-исследовательское поле — актуальной задачей. Панегирик представляет собой интереснейший материал о повседневной жизни аристократа I в. н. э.: о его занятиях, судебной адвокатской деятельности, социальном окружении, общении, досуге, о нравах и обычаях, восприятии времени древними римлянами, — и даже содержит редкое описание древнеримской шахечной игры ludus latrunculorum и игры в мяч — ludus pilae.

Исследование выполнено в рамках семинаров по переводу латинского клуба при кафедре классической филологии МГЛУ.

¹ Vitale-Brovarone 2020, 77.

² Bell 1985, 871; Weber 1859, 1.

Панегирик Пизону был впервые опубликован немецким гуманистом Иоганном Сихардом в его издании Овидия в 1527 году в Базеле³. Издатель использовал в качестве основы рукопись из монастыря в Лорше («Codex Laureacensis»), которая в дальнейшем была утеряна⁴. Ни одна другая полная рукопись не сохранилась⁵. Единственные существующие сегодня манускрипты, которые цитируют поэму в сокращенном виде, — это флорилегии (средневековые сборники цитат, антологии)⁶. И. Сихард отметил, что в рукописи Лорша поэма приписывается Вергилию, но сам опубликовал ее в издании Овидия, а некоторые флорилегии приписывают ее Лукану. Также в ряду авторов впоследствии предлагались Стаций, Салий Басс и Кальпурний Сицилийский.

С XVI века текст начал издаваться, но первоисточником в некоторых изданиях было выбрано не editio princeps И. Сихарда («Codex Laureacensis»), а другие манускрипты и кодексы, которые либо являются более поздними компиляциями и не представляют особой ценности, либо об их судьбе после использования в качестве источников ничего не известно.

С этим связаны расхождения и разные варианты прочтения в опубликованных латинских вариантах текста. Ниже перечислим основные издания «Laus Pisonis», важные для истории исследования текста⁷.

В XVI веке печатается только латинский текст «Laus Pisonis» и исключительно в составе собраний других авторов. Два лионских издания «Amatoria» Овидия, выпущенные печатником Себастьяном Грифом в 1534 и 1550 годах⁸, заимствуют текст из издания И. Сихарда, но представляют несколько различных его прочтений, являющихся результатом редакторской деятельности самого издателя. Точность некоторых из этих исправлений впоследствии будет подтверждена в рукописи, использованной несколькими годами позже Адрианом Юнием и относящейся к другой ветви традиции. А. Юний издал текст в 1556 году в составе

³ Sichard 1527, 546–549.

⁴ Подробнее об исчезновении рукописи в наполеоновский период см. Verdière 1954, 66; Di Brazzano 2004, 11–12.

⁵ «Codex Atrebatensis» — использован для издания Адрианом Юнием (Junius 1556), дальнейшая история манускрипта неизвестна. «Codex Marucellianus» — рукопись VI в., которую упоминает Бэрнс (Baehrens 1879) и которая была им исследована и признана малоценной, поскольку поэма была взята им из изданий Сихарда и Юния. «Codex Varsaviensis» — бумажная рукопись, датируемая, скорее всего, началом XVIII в., которая была утрачена во время Второй мировой войны. Была исследована Мартини-Лагуной (1755–1824), чьи примечания были добавлены к изданию Вернсдорфа (Wernsdorf 1785). По мнению издателей, рукопись была малоценной: она в значительной степени следовала тексту Сихарда, хотя и имела стихотворное расположение, как в «Codex Atrebatensis». В тех случаях, когда ее чтения отличаются от традиционных, они по большей части испорчены. «Codex Barthianus» — известен только по упоминанию исследователя Барта в комментарии к строке 183. Подробнее об известных манускриптах, содержащих «Laus Pisonis», см. Di Brazzano 2004, 11–12.

⁶ «Florilegium Gallicum» — флорилегия, собранная в центральной Франции около середины XII в. Ее составитель, включив поэму в собрание, оставил только 196 строк из 261. Подробнее о существующих версиях текста «Laus Pisonis» во флорилегиях см. Martin 1917, 3–15; Ullman 1929; Reeve 1984, 44; Di Brazzano 2004, 11–22.

⁷ Подробно об истории изданий «Laus Pisonis» см., Di Brazzano 2004, 22–45.

⁸ Gryphius 1534.

шестой книги своего труда «Animadversa» как поэму Лукана⁹. Он указал в качестве своего источника «Codex Atrebatensis», о последующей судьбе которого тоже ничего не известно.

В 1573 году «Laus Pisonis» был издан в составе «Appendix Virgiliana» с примечаниями Иосифа Юстуса Скалигера (переиздавалась с примечаниями Фредерика Линденброга в 1575, третье издание в 1595 г.)¹⁰. Как приложение к изданиям Овидия и Лукана текст издал Грегор Берсман в 1582 и 1589 годах¹¹.

В XVIII веке появились первые издания с критическим аппаратом. В 1726 году в переводе «Bellum civile» Лукана под редакцией Готтлиба Корпте¹² были отмечены основные на тот момент издания «Laus Pisonis» и предположения филологов конца XVI века.

Издание 1785 года «Poetae Latini minores» под редакцией Иоганна Кристиана Вернсдорфа¹³ — это первое издание с введением, затрагивающим все основные моменты: фигура адресата «Похвалы», вновь идентифицированного как заговорщик Пизон; автор — Салий Басс, упоминаемый Тацитом в «Dialogus de oratoribus». Кроме того, впервые приводятся наблюдения Каспара фон Барта и других ученых XVII и XVIII веков с точными ссылками и по имени автора. В издание включены четыре трактата, посвященные конкретным вопросам: цитате из Цицерона (стк. 35–36); велеречивому Неаполю (стк. 91–92); игре в мяч (стк. 185–187) и латрун-кулам (стк. 192–208).

В 1793 году «Laus Pisonis» вошла в сборник «Sylloge opusculorum veterum poeticorum Latinorum» под редакцией Генриха Готфрида Райхарда¹⁴.

Первым изданием в XIX веке и первым, в котором «Laus Pisonis» издавалась отдельно без каких-либо сопровождающих текстов, стало издание 1831 года под редакцией Юлиуса Хельда «Incerti auctoris ad Calpurnium Pisonem carmen»¹⁵.

Издание Карла Бека «P. Papinii Statii ad Calpurnium Pisonem poemation»¹⁶ 1835 года открывается предисловием, в котором делается попытка доказать авторство Стация, а адресат отождествляется с неясным Кальпурнионом (который при всей правдоподобности является вымышленным персонажем).

Издание под редакцией Карла Фридриха Вебера «Incerti auctoris carmen panegyricum in Calpurnium Pisonem cum prolegomenis et adnotatione critica» вышло в 1859 году¹⁷ и было дополнено приложением «Adnotationes ad carmen panegyricum Pisoni» в 1861 году. На протяжении почти столетия было, а в некоторых отношениях и остается, каноническим изданием «Laus Pisonis» под редакцией Эмиля

⁹ Junius 1556, 249–260.

¹⁰ Scaliger 1573.

¹¹ Bersman 1582, 410–419; 1589.

¹² Kortte 1726, 343–353.

¹³ Wernsdorf 1785, 36–48; 72–77; 236–282; 389–419; 859–869.

¹⁴ Reyhard 1793, 44–64.

¹⁵ Held 1831.

¹⁶ Beck 1835.

¹⁷ Weber 1859.

Беренса, вошедшее в первый том «Poetae Latini minores» в 1879 году в серии «Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum Teubneriana»¹⁸.

В начале XX века основным латинским изданием «Laus Pisonis» стал труд американской исследовательницы Глэдис Мартин, в основе которого лежит диссертация, защищенная автором в 1917 году в Корнельском университете¹⁹. В этой работе дается обстоятельный комментарий к тексту и исчерпывающее введение, посвященное истории текста, адресату и автору, в котором Г. Мартин, возвращаясь к старой традиции, видит Лукана.

После публикации латинского текста и критики текста, представленной в латинских изданиях, появляются исследования, группирующиеся по основным направлениям, в которых авторы видят ключ к загадке «Laus Pisonis». Это проблема авторства и поиск адресата «Похвалы» (Б.Л. Уллман²⁰, М.Д. Рив²¹, Э. Чэмплин²²); исследования исторического контекста ее создания (С.Дж. Грин²³, Г. Мадер²⁴, М. Левенталь²⁵); сравнительные исследования текстов и поиски заимствований с целью датировки текста (А.А. Белл²⁶). В XX и XXI веках появляются первые переводы «Похвалы» на современные языки — английский²⁷, французский²⁸, немецкий²⁹, итальянский³⁰.

КОМУ АДРЕСОВАНА «LAUS PISONIS»?

Если по поводу авторства «Похвалы» до сих пор ведутся научные споры, то относительно адресата большинство исследователей сходятся во мнении, что это с большой вероятностью был Гай Кальпурний Пизон. В панегирике отражена яркая социальная жизнь человека из известного древнеримского рода. При Клавдии Пизон стал консулом, но не проявлял настоящих амбиций³¹. Он был одной из самых популярных фигур в Риме благодаря своим прекрасным манерам и ораторскому дару. В 65 г. н. э. он стал номинальным главой заговора против Нерона, но оказался бесполезным руководителем и после разоблачения не помышлял ни о каких действиях, кроме самоубийства³². Не вызывает сомнений, что панегирик написан во времена его славы и расцвета политической карьеры. Это

¹⁸ Baehrens 1879, 221–236.

¹⁹ Martin 1917.

²⁰ Ullman 1929.

²¹ Reeve 1984.

²² Champlin 1989.

²³ Green 2010.

²⁴ Mader 2013.

²⁵ Leventhal 2021.

²⁶ Bell 1985.

²⁷ Martin 1917.

²⁸ Verdière 1954.

²⁹ Seel 1969.

³⁰ Di Brazzano 2004. Ди Браццано указывает как первый перевод на итальянский язык издание Этторе Болисани, опубликованное в 1965 г. в «Atti dell'istituto Veneto di Scienze, Lettere e arti», vol. 108. Это издание, по его мнению, имеет ряд существенных недостатков. Подробнее см. Di Brazzano 2004, 38–39.

³¹ Bell 1985, 107.

³² Hornblower *et al.* 2012, 280.

позволяет сузить датировку самого текста до I в. н. э. и ограничить 65 г. н. э., когда Пизон был казнен. Однако в тексте нет четких указаний на события, произошедшие при Нероне, и некоторые события из жизни Пизона после 40 г. н. э., поэтому пока атрибуция адресата текста как Гая Кальпурния Пизона является только гипотезой и оставляет простор для дальнейших исследований.

СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ «LAUS PISONIS»

Автор стремится одновременно повысить политический имидж Пизона, наделив его впечатляющими добродетелями, и заручиться покровительством великого человека. «Технически грамотный, концептуально причудливый», — такое определение не без оснований дал этому тексту исследователь Э. Чэмплин³³. Панегирик строится вокруг тем, которые, как правило, не на первом месте в идеальном наборе похвал³⁴. «Laus Pisonis» содержательно можно разделить на следующие части:

1–2: Введение и цель.

3–24: Восхваление предков Пизона.

25–80: Красноречие Пизона в суде и (72–80) извинение за то, что не приводит конкретные примеры этого красноречия.

81–96: Восхваление гостеприимного дома Пизона. Риторические занятия Пизона: декламация и литература.

97–108: Аспекты поведения и характера Пизона.

109–137: Похвальные отношения Пизона с коллегами и клиентами (по сравнению с нормами того времени).

137–208: Легкие занятия Пизона (140–163: оправдание более легких занятий; 164–165: занятия поэзией, стихосложением; 166–168: игра на лире; 169–177: оправдание игры на лире; 178–184: соревнования по оружию; 185–189: ludus pilae; 190–208: ludus latrunculorum).

209–261: Вывод: извинения автора за то, что он не написал работу, достойную Пизона, и обещание написать произведения лучше, если в дальнейшем его поддержит меценат.

Характерные особенности текста — разнообразие обращений и приемов их использования: зывания к адресату, обращения-сравнения, игра с местоимениями *я* и *мы*. Анонимный автор работает в древнеримской традиции панегириков золотого века римской литературы, подражает Горацию, Овидию, Проперцию, использует лукановские обороты³⁵.

Самый значительный вклад в исследование стилистики текста «Похвалы» внес немецкий исследователь Арно Зеель, защитивший в 1969 году диссертацию «Laus Pisonis: текст, перевод, комментарий»³⁶. В панегирике, он видит юношеское произведение Лукана, который, если еще не созрел с точки зрения композиционной

³³ Champlin 1989, 101.

³⁴ О традиции анонимных произведений в Древнем Риме и необычном характере «Laus Pisonis» в их ряду см. Geue 2019, 199–200.

³⁵ Подробнее о метрических и стилистических особенностях текста «Laus Pisonis» см. Verdière 1971; Bell 1985, 872; Di Brazzano 2004, 87–116.

³⁶ Seel 1969.

техники и выразительных форм, тем не менее по своему политическому чувству уже почти идентичен Лукану из «Bellum civile». В своем исследовании он заметил, что жанр панегирика требует высокого стиля (*genus grande*), а темы, которые чаще всего затрагивает панегирист, ближе всего к простому стилю, *genus subtile*. Для исправления этого положения поэт должен был приложить все усилия, чтобы придать своему произведению типичный облик. А. Зеель выделил три направления, которые помогают анонимному автору достичь *genus grande*: 1) возвышение Пизона до уровня эпического героя (сравнения Пизона с Одиссеем, Менелаем, Нестором, Ахиллесом и с его собственными предками, великими полководцами); 2) использование стиха, свойственного эпической поэзии, гекзаметра; 3) подражание эпическим образцам, прежде всего Гомеру и Вергилию. Для достижения этой цели автор использовал формулы, такие как *io superi* и *felix illa dies*.

В нашем переводе мы следуем за европейской традицией (большинство переводов «*Laus Pisonis*» выполнены прозой и не передают гекзаметр) и даем прозаический эквивалентный перевод, максимально приближенный к оригиналу. Текст снабжен указанием номера строки в оригинале для удобства цитирования и ориентирования в латинском тексте. В ссылках даны комментарии и анализ сложных для интерпретации мест, аллюзий и метафор.

Перевод с латинского выполнен по тексту издания: Stefano Di Brazzano, *Laus Pisonis, Introduzione, edizione critica, traduzione e commento*. Pisa, 2004³⁷, в котором были учтены все разночтения латинского текста, проанализированы предшествующие латинские издания «Похвалы», дан обширный критический аппарат и подробные комментарии. Перевод публикуется на русском языке впервые.

ПОХВАЛА ПИЗОНУ³⁸

Латинский оригинал по изданию Stefano Di Brazzano 2004:

Vnde prius coepti surgat mihi carminis ordo
quosue canam titulos, dubius feror. Hinc tua, Piso,
nobilitas ueterisque citant sublimia Calpi
nomina, Romanas inter fulgentia gentes;

5 hinc tua me uirtus rapit et miranda per omnes
uita modos, quae, si dasset tibi forte creato
nobilitas, eadem pro nobilitate fuisset.
Nam quid imaginibus, quid auitis fulta triumphis
atria, quid pleni numeroso consule fasti

10 profuerint, si uita labat? Perit omnis in illo
gentis honos, cuius laus est in origine sola.
At tu, qui tantis animum natalibus aequas
et partem tituli, non summam, ponis in illis,
ipse canendus eris: nam quid memorare necesse est

³⁷ Di Brazzano 2004, 122–144.

³⁸ Хотя общеизвестным названием текста является «*Laus Pisonis*», судя по рубрикам флорилегий, первоначальное название текста было «*De laude Pisonis*», то есть «О похвале Пизону». Подробнее о научной дискуссии вокруг названия см. Di Brazzano 2004, 147.

- 15 ut domus a Calpo nomen Calpurnia ducat
claraque Pisonis tulerit cognomina prima
humida callosa cum pinseret hordea dextra?
Nec, si cuncta uelim breuiter decurrere, possim;
et prius aetheriae moles circumuaga flammae
- 20 annua bis senis reuocabit mensibus astra
quam mihi priscorum titulos operosaque bella
contigerit memorare. Manus sed bellica patrum
armorumque labor ueteres decuere Quirites,
atque illos cecinere sui per carmina uates.
- 25 Nos quoque pacata Pisonem laude nitentem
exaequamus auis. Nec enim, si bella quierunt
occidit et uirtus: licet exercere togatae
munera militiae, licet et sine sanguinis haustu
mitia legitimo sub iudice bella mouere.
- 30 Hinc quoque seruati contingit gloria ciuis
altaque uictrices intexunt limina palmae.
Quin age, maiorum, iuuenis facunde, tuorum
scande super titulos, et auitae laudis honores
armorumque decus praecedere forensibus actis.
- 35 Sic etiam magno iam tunc Cicerone iubente
laurea facundis, cesserunt arma togatis.
Sed quae Pisonum claros uisura triumphos
olim turba uias impleuerat agmine denso,
ardua nunc eadem stipat fora, cum tua maestos
- 40 defensura reos uocem facundia mittit.
Seu trepidos ad iura decem citat hasta uirorum
et firmare iubet centeno iudice causas,
seu capitale nefas operosa diluis arte,
laudibus ipsa tuis resonant fora. Dum rapis omnem
- 45 iudicis affectum possessaque pectora tentas,
uictus sponte sua sequitur quocumque uocasti:
flet si flere iubes, gaudet gaudere coactus
et te dante capit iudex, si non habet, iram.
Sic auriga solet feruentia Thessalus ora
- 50 mobilibus frenis in aperto flectere campo,
qui modo non solum rapido permittit habenas
quadrupedi, sed calce citat, modo succutit arte
flexibiles rictus et nunc, ceruice rotata,
incipit effusus in gyrum carpere cursus.
- 55 Quis non attonitus iudex tua respicit ora?
Quis regit ipse suam, nisi per tua pondera, mentem?
Nam tu, siue libet pariter cum grandine nimbos
densaque uibrata iaculari fulmina lingua,
seu iuuat astrictas in nodum cogere uoces

- 60 et dare subtili uiuacia uerba catenae,
uim Laërtiadae, breuitatem uincis Atridae;
dulcia seu mauis liquidoque fluentia cursu
uerba, nec incluso, sed aperto pingere flore,
inclita Nestorei cedit tibi gratia mellis.
- 65 Nec te, Piso, tamen, populo sub iudice, sola
mirantur fora; sed numerosa laude senatus
excipit et meritas reddit tibi curia uoces.
Quis digne referat, qualis tibi luce sub illa,
gloria contigerit, qua tu, recinente senatu,
- 70 cum tua bis senos numeraret purpura fasces,
Caesareum grato cecinisti pectore numen?
Quodsi iam ualidae mihi robur mentis inesset
et solidus primos impleret spiritus annos,
auderem uoces per carmina nostra referre,
- 75 Piso, tuas; sed fessa labat mihi pondere ceruix
et tremefacta cadunt succiso poplite membra.
Sic nec olorinos audet Pandionis ales
parua referre sonos nec, si uelit, improba, possit;
sic et aëdonia superantur uoce cicadae
- 80 stridula cum rapido faciunt conuicia soli.
Quare age, Calliope, posita grauitate forensi,
limina Pisonis mecum pete: plura supersunt
quae laudare uelis inuenta penatibus ipsis.
Huc etiam tota concurrit ab Vrbe iuuentus
- 85 auditura uirum, si quando, iudice fesso,
turbida prolatis tacuerunt iurgia rebus.
Tunc etenim leuibus ueluti proludit in armis
compositisque suas exercet litibus artes.
Quin etiam facilis Romano profluit ore
- 90 Graecia, Cecropiaeque sonat grauis aemulus urbi.
Testis, Acidalia quae condidit alite muros
Euhoicam referens, facunda Neapolis, arcem.
Qualis, io superi, qualis nitor oris amoenis
uocibus: hinc solido fulgore micantia uerba
- 95 impleuere locos, hinc exornata figuris
aduolat excusso uelox sententia torno.
Magna quidem uirtus erat, et si sola fuisset,
eloquio sanctum modo perfulcire senatum,
exonerare pios modo, nunc onerare nocentes;
- 100 sed super ista mouet plenus grauitate serena
uultus, et insigni praestringit imagine uisus.
Talis inest habitus, qualem nec dicere maestum
nec fluidum, laeta sed tetricitate decorum
possumus: ingenitae stat nobilitatis in illo

- 105 pulcher honos et digna suis natalibus ora.
Additur huc et iusta fides et plena pudoris
libertas animusque mala ferrugine purus,
ipsaque possesso mens est opulentior auro.
Quis tua cultorum, iuuenis facunde, tuorum
- 110 limina pauper adit, quem non animosa beatum
excipit et subito iuuat indulgentia censu?
Quodque magis dono fuerit pretiosius omni,
diligis ex aequo, nec te fortuna colentum
natalesue mouent: probitas spectatur in illis.
- 115 Nulla superborum patiuntur dicta iocorum,
nullius subitos affert iniuria risus:
unus amicitiae summos tenor ambit et imos.
Rara domus tenuem non aspernatur amicum
raraque non humilem calcat fastosa clientem;
- 120 illi casta licet, licet et sine crimine constet
uita, tamen probitas cum paupertate iacebit:
sed lateri nullus comitem circumdare quaerit
quem dat purus amor, sed quem tulit impia merces;
nec quisquam uero pretium largitur amico,
- 125 quem regat ex aequo uicibusque regatur ab illo,
sed miserum parua stipe focilat, ut pudibundos
exercere sales inter conuiuia possit.
Ista procul labes, procul haec fortuna refugit,
Piso, tuam, uenerande, domum: tu mitis et acri
- 130 asperitate carens positoque per omnia fastu
inter ut aequales unus numeraris amicos,
obsequiumque doces et amorem quaeris amando.
Cuncta domus uaria cultorum personat arte,
cuncta mouet studium: nec enim tibi dura clientum
- 135 turba rudisue placet, misero quae freta labore
nil nisi summoto nouit praecedere uulgo,
sed uirtus numerosa iuuat. Tu pronus in omne
pectora ducis opus, seu te grauiora uocarunt
seu leuiora iuuant. Nec enim facundia semper
- 140 adducta cum fronte placet, non semper in armis
bellica turba manet, nec tota classicus horror
nocte dieque gemit, non semper Gnosius arcu
destinat, exempto sed laxat cornua neruo,
et galea miles caput et latus ense resoluit.
- 145 Ipsa uices natura subit uariataque cursus
ordinat, inuersis et frondibus explicat annum.
Non semper fluidis adopertus nubibus aether
aurea terrificis obcaecat sidera nimbis:
cessat hiems, madidos et siccatur capillos;

- 150 uer fugit aestates; aestatum terga lacessit
pomifer autumnus, nimbis cessurus et undis.
Ignea quin etiam superum pater arma recondit
et Ganymedeae repetens conuiuia mensae
pocula sumit ea, qua gessit fulmina, dextra.
- 155 Temporibus seruire decet: qui tempora certis
ponderibus pensauit, eum si bella uocabunt
miles erit, si pax, positis toga uestiet armis:
hunc fora pacatum, bellantem castra decebunt.
Felix illa dies totumque canenda per aeuum,
- 160 quae tibi, uitales cum primum traderet auras,
contulit innumeras intra tua pectora dotes.
Mira subest grauitas inter fora, mirus ommissa
paulisper grauitate lepos: si carmina forte
nectere ludenti iuuit fluitantia uersu,
- 165 Aonium facilis deducit pagina carmen;
siue chelyn digitis et eburno uerbere pulsas,
dulcis Apollinea sequitur testudine cantus
et te credibile est Phoebō didicisse magistro.
Nec pudeat pepulisse lyram, cum pace serena
- 170 publica securis exultent otia terris,
nec pudeat: Phoebea chelys sic creditur illis
pulsari manibus quibus et contenditur arcus:
sic mouisse fides saeuus narratur Achilles,
quamuis mille rates Priameius ureret heros
- 175 et grauis obstreperet modulatis bucina neruis:
illo dulce melos Nereius extudit heros
pollice, terribilis quo Pelias ibat in hostem.
Arma tuis etiam si forte rotare lacertis
inque gradum clausis libuit consistere membris
- 180 et uitare simul, simul et captare petentem,
mobilitate pedum celeres super orbibus orbes
plectis et obliquis fugientem cursibus urges:
nunc quoque uiuaci scrutaris pectora dextra,
nunc latus aduersum necopino percutis ictu.
- 185 Nec tibi mobilitas minor est, si forte uolantem
aut geminare pilam iuuat aut reuocare cadentem
et non sperato fugientem reddere gestu.
Haeret in haec populus spectacula, totaque ludos
turba repente suos iam sudabunda relinquit.
- 190 Te si forte iuuat studiorum pondere fessum
non languere tamen lususque mouere per artem,
callidiore modo tabula uariatur aperta
calculus, et uitreo peraguntur milite bella,
ut niueus nigros, nunc et niger alliget albos.

- 195 Sed tibi quis non terga dedit? Quis, te duce, cessit
calculus? Aut quis non, periturus, perdidit hostem?
Mille modis acies tua dimicat: ille petentem
dum fugit, ipse rapit; longo uenit ille recessu
qui stetit in speculis; hic se committere rixae
- 200 audet et in praedam uenientem decipit hostem;
ancipites subit ille moras, similisque ligato
obligat ipse duos; hic ad maiora mouetur
ut citus effracta prorumpat in agmina mandra
clausaque deiecto populetur moenia uallo.
- 205 Interea sectis quamuis acerrima surgant
proelia militibus, plena tamen ips phalange
aut etiam pauco spoliata milite uincis,
et tibi captiua resonat manus utraque turba.
Sed prius emenso Titan uersetur Olympo
- 210 quam mea tot laudes decurrere carmina possint.
Felix et longa iuuenis dignissime uita
eximiumque tuae gentis decus: accipe nostri
certus et hoc ueri complectere pignus amoris.
Quod si digna tua minus est mea pagina laude,
- 215 at uoluisse sat est: animum, non carmina iacto.
Tu modo laetus ades: forsan meliora canemus
et uires dabit ipse fauor, dabit ipsa feracem
spes animum: dignare tuos aperire penates,
hoc solum petimus. Nec enim me diuitis auri
- 220 imperiosa fames et habendi saeua libido
impulerint, sed laudis amor. Iuuat, optime, tecum
degere cumque tuis uirtutibus omne per aeuum
carminibus certare meis: sublimior ibo
si famae mihi pandis iter, si detrahis umbram.
- 225 Abdita quid prodest generosi uena metalli
si cultore caret? Quid inertis condita portu,
si ductoris eget, ratis efficit, omnia quamuis
armamenta gerat teretique fluentia malo
possit et excusso demittere uela rudenti?
- 230 Ipse per Ausonias Aeneia carmina gentes
qui sonat, ingenti qui nomine pulsat Olympum
Maeniumque senem Romano prouocat ore,
forsitan illius nemoris latuisset in umbra
quod canit, et sterili tantum cantasset auena
- 235 ignotus populis, si Maecenate careret.
Qui tamen haud uni patefecit limina uati
nec sua Vergilio permisit numina soli:
Maecenas tragico quatientem pulpita gestu
euexit Varium, Maecenas alta tonantis

- 240 eruit, et populis ostendit nomina Graiis;
carmina Romanis etiam resonantia chordis
Ausoniamque chelyn gracilis patefecit Horati.
O decus, in totum merito uenerabilis aeuum,
Pierii tutela chori, quo praeside tuti
- 245 non umquam uates inopi timuere senectae!
Quod si quis nostris precibus locus et mea uota
si mentem subiere tuam, memorabilis olim
tu mihi Maecenas tereti cantabere uersu.
Possumus aeternae nomen committere famae,
- 250 si tamen hoc ulli de se promittere fas est
et deus ultor abest; superest animosa uoluntas
ipsaque nescio quid mens excellentius audet.
Tu nanti protende manum, tu, Piso, latentem
exsere. Nos humilis domus, et sincera parentum
- 255 sed tenuis fortuna sua caligine celat.
Possumus impositis caput exonerare tenebris
et lucem spectare nouam, si quid modo laetus
annuis et nostris subscribis, candide, uotis.
Est mihi, crede, meis animus constantior annis,
- 260 quamuis nunc iuuenile decus mihi pingere malas
coeperit et nondum uicesima uenerit aestas.

(1) Обдумываю в сомнениях, откуда же [стоит] начать мне песнь, за которую взялся, или какие титулы мне прежде воспеть. (3) С одной стороны, Пизон, потрясают твоя знатность и величественные имена [потомков] древнего Кальпа³⁹, блистающие среди римских родов; с другой стороны, пленяет меня твоя доблесть и жизнь, достойная восхищения во всех ее проявлениях, которая, даже если бы случайно не хватило тебе благородства по рождению, сама заменила бы [тебе] знатное происхождение. (8) Ибо что могут дать залы, укрепленные образами и триумфами предков, что могут дать фасты, полные многочисленных консулов, если жизнь не тверда? (10) Гибнет вся честь рода в том, чья слава только в происхождении. (12) Но ты, чей дух равен столь прославленным предкам и чья слава лишь отчасти зиждется на славе рода, ты и сам будешь воспет: ведь что за нужда помнить, что дом Кальпурниев ведет название от Кальпа и от него же взял первое славное родовое прозвище [когномен] Пизон⁴⁰, так как тот своей мозолистой правой рукой толоч⁴¹

³⁹ Кальп — предполагаемый сын Нумы Помпилия, второго римского царя. Кальпурнии, которые со времен первой Пунической войны образовывали одну из самых прославленных семей, называли себя его потомками.

⁴⁰ Когномен Пизон происходит от глагола *pinere* — «толочь, растирать, молоть». До того как были изобретены устройства для дробления зерна, оно измельчалось в ступе. Плиний дает такое же объяснение происхождению когномена (Plin. *NH*. XVIII. 10).

⁴¹ Редкий глагол *pinere*, по мнению Ди Браццано, сам поэт считал вышедшим из употребления и использовал лишь для попытки этимологического анализа в русле традиции ученых республиканской эпохи. Подробнее см. Di Brazzano 2004, 160.

необработанные зерна ячменя⁴²? (18) Если бы я даже хотел изложить все кратко, не смог бы; скорее громада небесного пламени, движущаяся по кругу двенадцать⁴³ месяцев, вновь призовет ежегодные звезды⁴⁴, прежде чем мне удастся вспомнить титулы и тяжелые войны древних. (22) Но ратный труд отцов и подвиги в битвах украшали древних квиритов, и их в свое время воспели в песнях поэты.

(25) Мы также приравняем⁴⁵ к предкам и блистающего своей мирной славой Пизона. (26) Ибо если войны утихли, не пропадает доблесть: и войску в то же можно исполнять свой долг, можно и без кровопролития вести мирные битвы перед законным судьей. (30) Отсюда и происходит слава о спасенном гражданине, и пальмы, свидетельствующие о победе, оплетают высокие двери⁴⁶. (32) Ну же, красноречивый юноша, поднимись выше титулов своих предков и почестей дедовской славы и возвысь над величию воинов судебными деяниями! (35) Так же было, когда по воле великого Цицерона [воинские] лавры⁴⁷ уступили

⁴² Что касается эпитета *humida* или в прочтении Мартин — *umida* — «влажные, сырые», его употребление здесь является спорным, поскольку данный эпитет едва ли может описывать состояние ячменя во время помола. Плиний пишет, что на одной из стадий приготовления ячменной крупы греки замачивали ячмень в воде, но затем его высушивали и обжаривали перед помолом. Римляне же никогда не замачивали ячмень перед помолом (Plin. *NH*. XVIII. 72–74). Скалигер предлагает вместо *umida* читать *fumida* — «пропахшие дымом, прокопченные», но более подходящим кажется вариант *horrida* — «щетиновые, грубые, необработанные, неровные, бугристые» или *tumida* — «вздутые, созревшие». Подробнее см. Martin 1917, 50.

⁴³ В тексте *bis senis... mensibus* — дословно два по шесть, дважды шесть месяцев. Перифраза *bis senis* использована, так как *duodecim* метрически не подходит. Такая замена распространена в латинской поэзии. Подробнее см. Di Brazzano 2004, 165.

⁴⁴ Здесь описано видимое годичное движение солнца по эклиптике, которая проходит по зодиакальным созвездиям (традиционно их 12). Еще в глубокой древности было установлено, что солнце перемещается по небу, переходя из одного созвездия в другое, совершая таким образом полный оборот в течение года. В данном отрывке имеется в виду годичное обращение земли вокруг солнца. Другими словами, года не хватит, чтобы вспомнить все заслуги древних.

⁴⁵ Автор использует множественное число. В тексте 10 раз встречаются глаголы и местоимения в форме множественного числа, когда автор начинает говорить от первого лица (стк. 26, 74, 104, 212, 216, 219, 249, 254, 256, 258): «мы приравняем», «мы не можем», «мы споем», «наши стремления» и т.д. Однозначно объяснить такое использование трудно. В ряде случаев это может означать «мы, люди этого века», в отличие от древних квиритов (например, в стк. 26, 74, 104). Некоторые авторы считают это лишь речевым оборотом или ошибкой печати. В переводе на английский (Duff *et al.* 1982) и на итальянский (Di Brazzano 2004) языки многие формы глагола переведены единственным числом. Другая традиция видит в некоторых случаях употребления множественного числа важное послание от автора, скрытый намек. По мнению Зееля, который считал автором «Похвалы» Лукана, множественное число, использованное в стк. 256 и 258, указывает на некоторое количество почитателей Пизона, которые обещают поддержать его в политической борьбе против императора. Подробнее см. Seel 1969, 184. В нашем переводе мы сохраняем формы множественного числа, следуя латинскому тексту.

⁴⁶ В Древнем Риме существовала традиция украшать двери дома победившего адвоката ветвями пальм. Подробнее см. Martin 1917, 52.

⁴⁷ *Laurea* — имеется в виду *corona laurea*. Этим венком украшали победоносного полководца и солдат, следовавших за его триумфальным шествием. Ранее *laurea* подразумевалась как атрибут *арма*. Существует этимология *laurea* от *laus*.

красноречивым, оружие — одетым в тоги⁴⁸. (37) Но та толпа, что прежде широким потоком заполняла улицы, стремясь увидеть славные триумфы Пизонов⁴⁹, теперь таким же образом наполняет высокие форумы, когда твое красноречие поднимает голос в защиту несчастных подсудимых. (41) Копье ли вызывает объятых страхом на суд децемвиров⁵⁰ и призывает доказать дела перед центумвирами, ты ли искусным ремеслом добиваешься оправдания [по обвинению] в тяжком преступлении, грозящем смертью или лишением прав, — сами форумы вторят твоим заслугам. (45) Когда ты овладеваешь всем вниманием судьи и поражаешь его плененное сердце, он, побежденный, добровольно следует за тобой, куда бы ты ни позвал: прикажешь плакать — плачет, прикажешь радоваться — радуется, а когда внушаешь гнев, он чувствует его, даже если не был им охвачен. (49) Так обычно фессалийский наездник⁵¹, ловко натягивая удила, управляет разгоряченными лошадьми в открытом поле. (51) Он не только быстро ослабляет поводья стремительного скакуна, но и подстегивает его пяткой; а то крепко [натягивая узду] вздымает податливые морды вверх — и вот мотающих загривками [коней] направляет по кругу во весь опор. (55) Какой судья, пораженный, не внемлет твоим речам? (56) Кто управляет сам своим разумом, как если не под твоим

⁴⁸ Одно из сложных мест для толкований. В издании Wernsdorf 1785 этому отрывку посвящена отдельная исследовательская глава. Вероятно, автор отсылает к стиху из утраченной поэмы Цицерона «О своем консульстве»: *cedant arma togae, concedat laurea laudi*, «пусть оружие уступит место тоге, воинские лавры — гражданским заслугам». Как показал Вернсдорф, первоначальная форма фразы была «*cedant arma togae, concedat laurea linguae*». Анонимный поэт сгущает цicerоновское выражение, используя глагол только один раз. Неясно, с какой целью анонимный автор использует это двусмысленное выражение. Во-первых, эта фраза после публикации «О своем консульстве» использовалась врагами Цицерона, чтобы принизить его роль: как будто его успех обусловлен лишь умением красноречиво говорить. Во-вторых, Вернсдорф отмечает: «меня удивляет, что Салий (по мнению Вернсдорфа, автор «Похвалы». — *Авт.*) хвалит строку и мысль Цицерона в стихотворении, адресованном Пизону, предком которого был Л. Кальпурний Пизон, враг Цицерона, который резко его критиковал и сам в свою очередь был упрекаем Цицероном» (Wernsdorf 1785, 391). Подробнее см. Martin 1917, 53; Di Brazzano 2004, 178–179. По мнению Зееля, этот отрывок и упоминание Цицерона отражает антиимперское настроение автора «Похвалы» и его оппозицию к правлению Нерона. Подробнее см. Seel 1969, 177. Ди Браццано же не разделяет данную гипотезу, ссылаясь на то, что сквозь все произведение проходит идея о счастье в мирное время в отличие от прошлого, характеризующегося чередой войн. Подробнее см. Di Brazzano 2004, 177–178.

⁴⁹ Возможно, автор имеет в виду Гая Кальпурния Пизона, претора 186 г. до н. э., получившего в управление Дальнюю Испанию. Как свидетельствует Тит Ливий, Гай Кальпурний Пизон первым справил триумф над лузитанами и кельтиберами, причем в процессии было пронесено восемьдесят три золотых венка и двенадцать тысяч фунтов серебра (Liv. XXXIX. 42. 2–3).

⁵⁰ Децемвиры — коллегия из 10 человек, избираемая для выполнения специальных государственных поручений. Центумвиры — «100 мужей», коллегия судей по гражданским делам, чьим атрибутом было копье. Вероятно, в прошлом оно использовалось для обозначения места проведения собраний. Согласно Светонию (Suet. Aug. 36), со времен Августа децемвиры начали исполнять обязанности председателей суда и должны были созывать «суд ста».

⁵¹ Фессалия славилась своими лошадьми и наездниками. Подробнее о фессалийских наездниках см. Mader 2013, 627.

влиянием⁵²? (57) Ведь пожелаешь ли ты метать вместе с градом бури и непрерывные молнии острым языком, угодно ли тебе связать краткие речи в узел⁵³ и обернуть пылкие слова в изящную цепочку — ты превосходишь силой [слова] Лаертида⁵⁴, краткостью — Атрида,⁵⁵ а когда сладкие речи, струящиеся чистым потоком, ты предпочитаешь расцветить не скромным, но пышным украшением, тебе уступает и прославленное изящество медоточивого Нестора. (65) И не только форумы, полные народом-судьей⁵⁶, тобою, Пизон, восхищаются, но и щедрой хвалой встречает сенат, и курия заслужено вознаграждает тебя одобрительными возгласами. (68) Кто же достойно поведает, какая слава тебе досталась в тот день, когда ты в пурпурной тоге, насчитывающей двенадцать фасций⁵⁷, под аплодисменты сената благодарною душою воспел божественное величие Цезаря?

(72) Если бы имела у меня мощь зрелого ума и твердый дух наполнял юные годы, я дерзнул бы в наших стихах привести твои речи, Пизон, но клонится под тяжестью бремени моя усталая шея, подкосились колени и, содрогаясь, падает тело. (77) Так не смеет скромная птица Пандиона⁵⁸ издавать лебединые звуки, и даже если бы захотела дерзкая — не смогла бы; так и соловьиное пение превосходит цикад, стрекочущих под палящим солнцем.

(81) Что ж, Каллиопа⁵⁹, давай, отложив судебные тяжбы, устремись со мной к дверям Пизона: многое есть, что захочешь ты похвалить, многое найдется в самих пенатах⁶⁰. (84) Сюда также сбегается молодежь со всего Рима послушать [сего] мужа всякий раз, когда бурные тяжбы смолкают, как только судья устает и судебные дела приостанавливаются. (87) Тогда же он, словно разминаясь с легким оружием, оттачивает свое мастерство, продумывая судебные прения. (89) И даже более того: с легкостью греческая речь льется из римских уст, и звучит достойный противник городу Кекропса⁶¹. (91) Свидетель этому — воздвигший свои стены под водительством акидалийской птицы⁶² велеречивый Неаполь, напоминающий эвбейскую крепость⁶³. (93) Сколько, о боги, сколько великолепия в изыс-

⁵² *Pondus verborum* — специальный ораторский термин, имеющий значение «серьезность, достоинство, торжественность в словах». Здесь поэт хочет сказать, что судья не в состоянии направить свой разум сам, но только через авторитетные слова Пизона.

⁵³ Согласно комментарию Ди Браццано, «связать слова в узел» — значит выковывать сухие предложения, отличающиеся особой лаконичностью. Подробнее см. Di Brazzano 2004, 203.

⁵⁴ Т.е. Одиссея.

⁵⁵ Т.е. Менелая.

⁵⁶ Под «народом-судьей» подразумевается трибунная комиция (от лат. *coire* — «сходиться, собираться») — народное собрание граждан по территориальным округам — трибам, наделенное законодательной и судебной властью.

⁵⁷ Знаки отличия римских консулов — вышитая пурпуром тога, а также секиры и фасции.

⁵⁸ Здесь аллюзия на историю Филомены. Дочь Пандиона превратилась в соловья или, по некоторым версиям, в ласточку.

⁵⁹ Каллиопа (греч. *Καλλιόπη*, «красноречивая») — одна из девяти муз. Покровительница не только эпической поэзии, но и красноречия.

⁶⁰ Дом Пизона.

⁶¹ Город Кекропса (Кекропия) — древнее название Афин.

⁶² Акидалийская птица — голубь.

⁶³ Неаполь был основан колонистами из Эвбеи. Их флоту, по преданию, путь указывал голубь (акидалийская птица). Подробнее см. Martin 1917, 64.

канных словах [слетающих с его] уст: здесь то слова, сверкающие ярким блеском, наполняют избранные места, то слетает, словно выточенное резцом, легкое, украшенное риторическими фигурами изречение. (97) Великим был бы талант, даже если имел бы ты только его: лишь речью поддерживать священный сенат, то освобождать невиновных, то обвинять преступников; но помимо всего этого впечатляет лицо, полное безмятежной серьезности, и облик поражает внушительным видом. (102) Такой ему присущ облик, который мы не можем назвать ни унылым, ни расслабленным, но пристойным, вследствие отрадной серьезности: в нем пребывает славная честь врожденного благородства и достойное его рода красноречие. (106) К этому добавляется верность справедливости, и свобода [в обращении], преисполненная скромности, и дух, чистый от ржавчины порока, и сам ум его, богаче принадлежащего ему золота.

(109) Красноречивый юноша, кто из твоих почитателей, придя к твоему порогу в бедности, остается непринятым и не одаренным неожиданным подношением твоей бдительной щедрости? (112) И что драгоценнее любого дара, так это то, что ты считаешь его как равного и тебя не заботят ни успешность, ни происхождение почитателей: в них ты ищешь только порядочность. (115) Ни одна речь не терпит надменных шуток, ничье недовольство не приносит внезапных насмешек: единое дружеское устремление объединяет как высших, так и низших. (118) Редкий дом не отвергает бедного друга, и редкий надменный [дом] не угнетает мелкого клиента; и пусть жизнь его чиста и безупречна, но честность его будет прозябать вместе с бедностью. (122) Однако никто не ищет себе союзника, которого можно добыть, одарив его простой привязанностью, но того, кого приносит презренная прибыль; никто не одаривает деньгами истинного друга, чьим покровителем является и под покровительством которого находится в такой же мере, но обездоленного малым даянием оживляет, чтобы он мог на пиру упражняться в сдержанных островах⁶⁴. (128) Этот позор, эта участь сторонятся твоего дома, досточтимый Пизон: ты кроткий, лишенный беспощадной суровости и надменности, встречающейся повсюду, считаешься одним среди равных друзей, ты учишь послушанию и любовью стяжаешь любовь. (133) Весь дом оглашается разнообразными произведениями посетителей, он весь побуждает к деятельности, ибо не нравится тебе грубая и невежественная толпа клиентов, которые, полагаясь на свой жалкий труд, не знают ничего, кроме как шествовать вперед, когда расчищен от народа путь⁶⁵; но всевозможные достоинства тебе приятны. (137) Тебе присуще вкладывать душу во всякое дело, будь ты вовлечен в сложное или легкое, приносящее радость. (139) Ведь красноречие не всегда уместно [сочетать] с нахмуренным лбом:

⁶⁴ Трудность в интерпретации этого отрывка, по-видимому, связана с разночтениями в версиях текста. Предположительно здесь речь идет о том, что во времена автора среди патронов и клиентов были распространены отношения, которые основываются не на почтении или искреннем уважении, а исключительно на жажде материальных благ и выгоде. Подробнее об интерпретациях этого отрывка см. Di Brazzano 2004, 266.

⁶⁵ Здесь автор указывает на обязанности ликтора, заключающиеся в том, чтобы, разогнав толпу, очистить путь магистрату. В стк. 134–136 автор показывает, что Пизон не благоволит грубым, неотесанным клиентам, которые исполняли для него только черную службу ликторов и не имели больших амбиций.

и войско не всегда в бою; и трубы войны не издают день и ночь свой ужасающий вой⁶⁶; и житель Кносса не всегда прицеливается из лука, но, тетиву освободив, лук опускает; и воин снимает шлем с головы и с пояса убирает меч. (145) Сама природа склонна к переменам, своим непостоянством руководит ходом времени и сменой листьев направляет год. (147) Не всегда нависшие тучи, затянув небо во время страшных бурь, закрывают золотые звезды: заканчивается зима⁶⁷, и мокрые волосы сушит весной; весна проносится, [сменяясь] летним зноем; у лета за спиною дразнит богатая плодами осень, готовясь уступить бурям и водам. (152) Даже всевышних отец⁶⁸ прячет огненное оружие и, возвращаясь на пиршества, берет бокалы со столов Ганимеда⁶⁹ той самой десницей, которой держал молнии. (155) Следует подчиняться [требованиям] времени⁷⁰: кто взвесил время верной мерой, того сраженья позовут — и он будет воин, а если мир — сложив оружие, он облачится в тогу: ему в мирное время приличествуют форумы, а в военное — лагеря. (159) Блажен и должен быть воспет в веках тот день, который вдохнул в тебя дыхание жизни, собрал в тебе бесчисленные дарования. (162) Удивительная серьезность присуща тебе на форуме, но стоит лишь на миг ее тебе отбросить, как тотчас ты являешь удивительное остроумие. (163) Если однажды понравилось сплестать стихи, текущие играющей строфой, аонийский стих легко струится по странице; или если ты ударяешь по лире пальцами и плектром из слоновой кости, сладостная песнь льется из аполлонова инструмента и нет сомнений, что учителем твоим был Феб⁷¹. (169) Да не устыдимся играющей лиры, когда в мирное время в безмятежных землях царит народный отдых. (171) Да не устыдимся: ведь считают, что по фебовой лире бряцают те же руки, которые натягивали лук. (173) Рассказывают, что так суровый Ахиллес играл на лире⁷², хотя герой, [сын] Приама⁷³, жег тысячу кораблей и грозный военный рог заглушал мелодичные струны: герой, из рода Нереев⁷⁴, извлек сладкую песнь тем же пальцем, посредством которого ужасное [копье] Пелея⁷⁵ направлялось на врага.

⁶⁶ Существительное среднего рода *classicum* обозначает трубу или звук трубы, но в сочетании *classicus horlog* мы встречаемся с необычным употреблением этого слова в качестве прилагательного. Подробнее см. Martin 1917, 73.

⁶⁷ Здесь использован глагол *cessare* в юридическом значении «терять силу». Возможно перевести как «зима теряет силу».

⁶⁸ Юпитер.

⁶⁹ Ганимед — сын троянского царя Троса, похищенный Зевсом из-за своей необыкновенной красоты и ставший виночерпием на Олимпе.

⁷⁰ Распространенное выражение, встречающееся в разных вариациях, в частности у Цицерона и Сенеки. Подробный разбор примеров использования этого выражения у древних авторов см. в Di Brazzano 2004, 298.

⁷¹ Музыка, исполняемая на лире Пизона, достойна музыки Аполлона. Поэт льстиво называет ее лирой Аполлона. Аргументацию этого прочтения см. в Di Brazzano 2004, 311.

⁷² Ахиллес, вынужденный отдать Брисиду Агамемнону, отказался от дальнейшего участия в войне и остался в своем шатре, где утешался игрой на лире (Hom. II. IX. 186–191).

⁷³ Т.е. Гектор.

⁷⁴ Ахиллес, сын Фетиды и следовательно внук Нерее, то есть потомок, и в широком смысле потомок, сын Нерее.

⁷⁵ *Pelias* — имеется в виду *hasta Pelias*, копье Пелея. Речь идет о копье Ахилла, которое было выковано на горе Пелион кентавром Хироном и вручено в качестве свадебного подарка

(178) Если вдруг тебе захотелось — ты замахиваешься оружием, напряженно замираешь и, уклоняясь, тотчасразишь противника, ложными выпадами теснишь бегущего, ловкостью ног быстро сплетая круг за кругом: то ты бьешь в грудь стремительной правой рукой, то поражаешь другой бок неожиданной атакой. (185) И не меньше у тебя ловкости, ведь она помогает перекинуть случайно летящий мяч или удержать падающий и отбить проносящийся неожиданным движением⁷⁶. (188) Народ, привлеченный этим зрелищем, всей разгоряченной толпой тотчас оставляет свои игры. (190) Если случается так, что ты устал под бременем занятий, ты не расслабляешься, однако через искусство игры продолжаешь движение: еще более искусным способом перемещаются шашки на открытой доске, и разыгрываются битвы стеклянным солдатиком: то белые преследуют черных, то черные — белых⁷⁷. (195) Но кто не отступал перед тобой? Какая шашка дрогнула под твоим командованием? Или какая, готовая уже погибнуть, не сразила противника? (197) Тысячью способов сражается твое войско: одна [шашка], отступая, сама захватывает своего преследователя; другая, что стоит на стенах, приходит из отдаленного убежища; третья решается вступить в борьбу и обманывает идущего за трофеем врага; та [еще одна] наталкивается на препятствия с обеих сторон и, будто уже пойманная, сама схватывает двоих; другая теперь стремится к большему, чтобы, прорвав линию защиты, быстро устремиться в толпу, а когда падет вал, разграбить окруженный лагерь⁷⁸. (205) Сколько бы ни завязывалось жесточайших боев среди разрозненного войска, и полной фалангой, и даже потерявшей нескольких воинов, ты все же побеждаешь, и гремят в обеих руках у тебя множество плененных шашек.

Пелею, отцу героя: оно было так тяжело, что его могли бросить только Ахилл и его отец. Подробнее см. Di Brazzano 2004, 321–322; Martin 1917, 77–78.

⁷⁶ Известны разные виды мячей (*harpastum*, *follis*, *trigon*, *paganica*). Речь, вероятно, идет об игре, в которой используется тригон — *pila trigonalis* или просто *trigon*. Игроки стояли по углам равностороннего треугольника, левой рукой мяч передавался от игрока к игроку или ловился. Марциал также описывает эту игру, называя ее разминкой (Mart. 4. 9; 4. 5; 14. 46; 7. 27; 12. 83). Часто игра проводилась перед посещением терм. «Перекинуть случайно летящий мяч» — мяч отбивается, не будучи при этом пойманным, и таким образом возвращается к бросившему его игроку. Использование *geminare* как синонима к *reddere* или *remittere* обосновано, возможно, стремлением автора придать выразительность тексту.

⁷⁷ Автор текста описывает игру в латрункулы (*ludus latrunculorum*). Правила игры достоверно неизвестны, однако, вероятно, имели некоторое сходство с правилами шахмат или шашек. В игре использовались расчерченная на квадраты доска (археологические находки дают разные размеры досок: 8 × 8, 9 × 9 и др.), а также камешки (*calculi*) разных цветов (чаще всего стеклянные), напоминающие шашки (в тексте переведены как шашки из-за наибольшего соответствия по форме). Суть игры состояла в том, чтобы забрать с доски как можно больше камешков противника, передвигая по полю свои и устраивая для соперника «ловушки». Подробнее об игре в латрункулы см. Schädler, 1994, 47–67.

⁷⁸ Автор текста метафорично описывает ход игры. Одно из предположений о правилах игры состоит в том, что шашка противника должна была быть заблокирована шашками другого игрока с двух сторон, чтобы последний мог убрать ее с доски. Для победы таким образом требовалось проявить стратегическое мышление, наличие которого у Пизона автор и восхваляет в этом отрывке. См. Schädler 1994, 47–67.

(209) Но скорее Титан обойдет изъезженный Олимп, чем мои стихи сумеют описать столько достоинств⁷⁹. (211) О счастливый и достойнейший долгой жизни юноша, несравненное украшение своего рода, прими с уверенностью и признай этот залог нашей истинной любви. (214) Ибо если мое сочинение недостойно твоей похвалы, то достаточно моего желания: я душу жертвую, не стих. (216) Лишь только ты одаришь своим счастливым присутствием, быть может, мы споем еще лучше, и сама твоя благосклонность придаст силы, сама надежда даст благодатное вдохновение: изволь распахнуть твои пенаты — только к этому мы стремимся. (219) Ибо меня будут вдохновлять не властная жажда несметных богатств и неистовое стремление обладать, но любовь к прославлению. Отраднo, славнейший, жить с тобой и весь век состязаться с твоими достоинствами в моих стихах: я выше вознесусь, если ты откроешь мне путь к славе, если выведешь из тени. (225) Какая польза от скрытой жилы благородного металла, если нет старателя? (226) Что доставит судно, укрытое в тихой гавани, если нет капитана, хоть имело бы оно все корабельные снасти и, развязав канат, могло расправить на гладкой мачте развевающиеся паруса?

(230) Тот самый, кто среди италийского народа Энеевы песни⁸⁰ поет, кто именем великим сотрясает Олимп и римскими устами бросает вызов Маэонийскому старцу, пожалуй, пел бы так, неведомый народам, в тростнике бесплодном, и песнь его скрывалась бы в тени рощи⁸¹, если бы не было Мецената⁸². (236) Однако Меценат распахнул двери не одному поэту и не только Вергилия одарил своим покровительством: он прославил Вария⁸³, трагическим жестом потрясающего подмостки, открыл вершины громовержца и явил греческим народам [их] имена⁸⁴; также открыл он песни, звучащие на римских струнах, и италийскую лиру утонченного Горация. (243) О, слава, во все времена справедливо почитаемая, покровительница Пиерейского хора⁸⁵, под защитой которой не знающие опасности поэты никогда не боялись нищей старости!

⁷⁹ «Титан обойдет изъезженное небо» — Olympus в латинском тексте используется как метафора для неба. Титан, вероятно Гиперион (отец Гелиоса, согласно Hes. *Theog.* 371–374), отождествляется в тексте с солнцем.

⁸⁰ «Энеевы песни» — речь идет об «Энеиде» Вергилия, которая далее противопоставляется творчеству маэонийского старца, Гомера, и его поэме «Илиада».

⁸¹ Ди Бразцано предполагает, что *umbra*, «тень», здесь употребляется в двойном значении: буквальном, поскольку оно относится к *pemus*, а также метафорическом — «анонимности». См. Di Brazzano 2004, 378.

⁸² Меценат — Гай Цильний Меценат, известен своей поддержкой римских поэтов, среди которых были в том числе Вергилий и Гораций. Автор текста просит Пизона о такой же поддержке, какую в свое время Меценат оказал Вергилию, что открыло для мира его талант.

⁸³ Есть предположение, что здесь речь идет о Л. Вarii Руфе, который редактировал «Энеиду» вместе с Плотием Туккой и писал в жанрах эпоса, элегии и трагедии. Подробнее об этой гипотезе см. Duff *et al.* 1982, 312; Martin 1917, 92–93.

⁸⁴ «Открыл вершины громовержца и явил греческим народам их имена» — в этом отрывке текста существуют разночтения, поэтому точная интерпретация затруднительна. «Вершины громовержца» — речь может идти о поэтах высокой речи, то есть Меценат открыл поэтов, обладавших высоким красноречием, и сообщил их имена народам Греции.

⁸⁵ Пиериды — музы.

(246) Ибо если есть хоть какое-либо место моим прошениям и если мои молитвы проникли в твою душу, однажды ты будешь воспет мною в хорошо отточенных стихах, досточтимый Меценат. (249) Мы можем покрыть имя вечной славой, если только кому-нибудь дозволено себе самому такое предвещать и бог не будет мстителем за это; все превосходит смелое желание, и я не знаю, на что более высокое может дерзнуть сам разум. (253) Протяни ты руку блуждающему, ты, Пизон, открой сокрытое. Скромный дом и честное, но скудное наследство⁸⁶ скрывают нас своим мраком. (256) Мы можем освободить голову от окутывающей тьмы и увидеть новый свет, если каким-то образом ты, блистательный, с радостью одобришь и поддержишь наши стремления⁸⁷. (259) Поверь мне, мой дух крепче моих лет, несмотря на то что [только] сейчас юношеская гордость начала покрывать мои щеки и [мое] двадцатое лето еще не наступило.

Литература / References

- Baehrens, E. (ed.) 1879: *Poetae Latini minores*. Vol. I. Leipzig.
 Beck, C. (ed.) 1835: *P. Papinii Statii ad Calpurnium Pisonem poemation*. Ansbach.
 Bell, A.A. Jr. 1985: A New Approach to the “Laus Pisonis”. *Latomus* 44/4, 871–878.
 Bersman, G. 1582: *Publii Ovidii Nasonis carmina amatoria*. Leipzig.
 Bersman, G. 1589: *M. Annaei Lucani de Bello civili, vel Pharsaliae libri decem. M. Annaei Lucani ad Calpurnium Pisonem panegyricum, sive Ecloga*. Leipzig.
 Champlin, E. 1989: The Life and Times of Calpurnius Piso. *Museum Helveticum* 46/2, 101–124.
 Di Brazzano, S. 2004: *Laus Pisonis. Introduzione, edizione critica, traduzione e commento*. Pisa.
 Duff, J.W., Duff, A.M., Goold, G.P. (eds.) 1982: *Minor Latin Poets*. Vol. I. Reprint. Cambridge.
 Geue, T. 2019: *Author Unknown: The Power of Anonymity in Ancient Rome*. Cambridge (MA).
 Green, S.J. 2010: ‘(No) Arms and a Man’: The Imperial Pretender, the Opportunistic Poet and the *Laus Pisonis*. *Classical Quarterly* 60/2, 497–523.
 Gryphius, S. (ed.) 1534: *P. Ovidii Nasonis amatoria*. Lyon.
 Held, J. (ed.) 1831: *Incerti auctoris ad Calpurnium Pisonem carmen*. Breslau.
 Hornblower, S., Spawforth, A., Eidinow, E. (eds.) 2012: *The Oxford Classical Dictionary*. Oxford.
 Junius, H. 1556: *Lucani poema ad Calpurnium Pisonem ex libro Catalecton in Animadversorum Libri sex*. Basel.
 Kortte, G. (ed.) 1726: *Marci Annaei Lucani Pharsalia sive De bello civili libri X eidemque adscriptum Carmen ad Pisonem*. Lipsiae.
 Leventhal, M. 2021: Politics and Play in the *Laus Pisonis*. *Classical Quarterly* 71/2, 741–758.
 Mader, G. 2013: Re-presenting Piso: Poetic and Political Agenda in the “Laus Pisonis”. *Classical World* 106/4, 621–643.
 Martin, G. 1917: *Laus Pisonis*. PhD thesis. Ithaca (NY).
 Reeve, M.D. 1984: The Addressee of “Laus Pisonis”. *Illinois Classical Studies*, 9/1, 42–48.
 Reychar, H.G. (ed.) 1793: *Sylloge opusculorum veterum poetarum Latinorum*. Leipzig.
 Scaliger, J. (ed.) 1573: *Lucani ad Calpurn. Pisonem Panegyricum*. In: J. Scaliger (ed.), *Publii Vergilii Maronis Appendix*. Lyon, 122–130, 545–548.

⁸⁶ По мнению Зееля, fortuna здесь обозначает не состояние или наследство, а некие внешние обстоятельства, которые и помешали Лукану (автору «Похвалы» согласно Зеелю) раскрыть свою личность. Подробнее см. Seel 1969, 166.

⁸⁷ Subscribis nostis — здесь использован глагол, имеющий юридическое значение, и опять используется местоимение множественного числа. Согласно предположению Зееля, в этом можно усмотреть призыв заговорщиков присоединиться к ним, подписав тайный договор. Такая идея, по мнению немецкого ученого, прослеживается и в использовании vota — термина, который в императорские времена мог обозначать торжественные ежегодные мольбы о здоровье принцепса, перенесенные здесь на Пизона. Подробнее см. Seel 1969, 184.

- Schädler, U. 1994: Latrunculi – ein verlorenes strategisches Brettspiel der Römer. In: *Homo Ludens. Der spielende Mensch* IV. Salzburg, 47–67.
- Seel, A. 1969: *Laus Pisonis: Text, Übersetzung, Kommentar*. Diss. Erlangen.
- Sichard, I. (ed.) 1527: *P. Ovidii Nasonis opera*. Basil.
- Ullman, B.L. 1929: The Text Tradition and Authorship of the Laus Pisonis. *Classical Philology* 24/2, 109–132.
- Verdière, R. 1954: *T. Calpurnii Siculi, De laude Pisonis et Bucolica, et M. Annaei Lucani, De laude Caesaris, Einsidlensia quae dicuntur carmina*. Brussels.
- Verdière, R. 1971: *Études prosodique et métrique du De laude Pisonis et des Bucolica de T. Calpurnius Siculus*. Rome.
- Vitale-Brovarone, A. 2020: La “Laus Pisonis” traduite par Simon de Hesdin: la première traduction française d’un texte très rare. Quelques problèmes d’orientation du premier humanisme français. *Studi Francesi* 190/1, 77–83.
- Weber, C.F. 1859: *Comentatio de carmine panegyrico in Calpurnium Pisonem*. Marburg.
- Wernsdorf, J.Ch. (ed.) 1785: *Poetae Latini minores*. Vol. IV. Altenburg.

Maria S. Golikova,

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

Email: golikoff@list.ru

ORCID: 0009-0002-6326-409X

М.С. Голикова,

к. филос. н., доцент
Московского государственного
лингвистического университета,
Москва, Россия

Elena A. Vishnevskaya,

Donetsk State University,
Donetsk, Russia

E-mail: u.elena.vishnevskaya@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8493-1413

Е.А. Вишневская,

преподаватель Донецкого
государственного университета,
Донецк, Россия

Ivan A. Sheludeshchev

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russia

E-mail: shelv22@gmail.com

ORCID: 0009-0004-4939-1943

И.А. Шелудешев,

преподаватель кафедры классической филологии,
аспирант Московского государственного
лингвистического университета,
Москва, Россия

Regina R. Khabibullina

Independent researcher,
Neftekamsk, Russia

E-mail: beafor@mail.ru

ORCID: 0009-0003-0341-5762

Р.Р. Хабибуллина,

независимый исследователь,
Нефтекамск, Россия